

© ЛОГУК «ГИАПМЗ «Парк Монрепо», 2008.

© Авторы текстов, 2008.

<http://www.parkmonrepos.org>
park-monrepo@yandex.ru

К 20-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ПАРК МОНРЕПО»

Цикл публикаций (газета «Выборгские ведомости»)

Оглавление

Оглавление.....	1
Михаил Ефимов.	
 Красота, одушевлённая историей.....	1
Валентин Болгов.	
 Дворец в «Царстве фантазии, искусства и чувства».....	2
Ольга Глазкова.	
 «Тогда для меня угасла половина солнца».....	4
Артур Бадалов.	
 Отворяющий землю.....	5
Наталья Дмитриева.	
 «Гайный челн в ночи бескрайней» (Легенды и были «Острова Смерти»).....	6
Ольга Глазкова.	
 Образ Поднебесной в Монрепо.....	8
Юлия Мошник.	
 Певец на Краю Света.....	10

Михаил Ефимов.

Красота, одушевлённая историей...

Двадцать лет – срок для истории ничтожный. Тем не менее, за минувшее двадцатилетие исчезла та страна, в которой родилось большинство жителей Выборга, появилась новое государство, в котором уже выросло новое поколение. Двадцать лет назад в историю Выборга вернулось и название «Монрепо», на долгие годы едва не преданное забвению за десятилетия существования ЦПКИО им. Калинина.

В январе 1988 года, после долгой подготовительной работы, решением Правительства России был создан Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Парк Монрепо».

Сегодня, как и сто, и двести лет назад, Монрепо – одна из главных достопримечательностей Выборга да, пожалуй, и всей Южной Скандинавии.

«Уникальность Монрепо» давно стала общим местом в словах, которыми встречают проходящих в парк. Но далеко не каждый из жителей Выборга сможет объяснить приезжим – в чем эта самая уникальность заключается. То, что Монрепо – единственный в России скальный парк, может показаться странным тем, кто часто бывает в нем. Неужели и впрямь такого не найти вдали или вблизи? Неужели нечто, похожее на то, к чему глаз привык с детства, мы найдем не ближе Германии или Англии?

Знаменитые суровые прибрежные скалы Монрепо, поросшие мхом, с оледенелыми ручьями, прихотливо-изогнутыми дорожками под сенью деревьев, с тихим плеском воды, отражающей парковые постройки, – это, однако, не только

природа, которая, кажется, пробуждает желание взять в руки фотоаппарат любому, кто хоть однажды побывал здесь.

Монрепо – это место, одушевленное историей. Фамилии владельцев имения Монрепо – Петра Алексеевича Ступишина, герцога Фридриха-Вильгельма-Карла Вюртембергского, баронов Николаи – принадлежат в равной мере российской и европейской истории.

В Монрепо бывали и его любили люди, без которых непредставимы ни русская история, ни русская культура – от членов Российского Императорского Дома до Михаила Глинки и Осипа Мандельштама. Список велик – и почти каждое имя в нем – это отдельная глава в истории Монрепо.

Потомки приехавшего в Россию Людвиг Генрих Николаи, бароны Николаи, на протяжении четырех поколений были не столько владельцами, сколько дарителями Монрепо – для Выборга и его жителей, для гостей города, для России и Финляндии, для Европы.

Географическое положение и биографии его владельцев сделали Монрепо тем местом, где скрещиваются во всем многообразии разные эпохи и культурные традиции. Античность и мир «Калевалы» органично сосуществуют в мире Монрепо. Людвиг Генрих Николаи был поэтом, восхищенным старинными преданиями. Для него Монрепо и стало той сказкой, которая становится тем ближе, чем чаще ее рассказывают. Но это – неспешный рассказ, где важна каждая деталь, незаметная на первый взгляд любопытного, но случайного прохожего.

Каждое время года в Монрепо открывает парк по новому – как для тех, кто приходит в парк впервые, так и для тех, кто часто бывает здесь.

Природа и человек встретились в Монрепо – не для поединка, а для дружеского общения. Мир Монрепо отвечает взаимностью лишь тем, кто знает об этом.

Природа и культура, парк и его создатели, странные сцепления судеб и обстоятельств – вот та более чем двухсотлетняя история Монрепо, о которой мы расскажем в наступившем году 20-летия музея-заповедника «Парк Монрепо» читателям «Выборгских ведомостей».

Валентин Болгов.

Дворец в «Царстве фантазии, искусства и чувства».

Многие путешественники, посещавшие в XIX веке имение баронов Николаи, называли жилой дом в Монрепо – дворцом. Таким образом посетители парка воздавали должное эстетическому впечатлению, которое оказывало на них выдержанное в лучших традициях классицизма и удачно вписанное в пейзаж строение. Дом поднят на террасу, и его протяжённый фасад, действительно, при взгляде с идущей под террасой аллеи производит впечатление дворцового. Да и что ещё могло быть сердцем созданного Людвигом Николаи в Монрепо «Царства фантазии, искусства и чувства»? Только дворец. Но дворец особенный – вполне отвечающий вкусу своего владельца. «В этом стиле заключено то неброское достоинство, которое мне нравится необычайно», – такими словами характеризует Людвиг Николаи работу Джузеппе Антонио Мартинелли, построившего для него этот дом.

Мартинелли не был архитектором. Он был хранителем живописи, сначала у К.Г. Разумовского, собравшего одну из крупнейших в Петербурге художественных коллекций, затем – в Картинной галерее Эрмитажа. Эти ответственные посты Мартинелли позволяло занимать не только знание истории искусства, но и превосходное владение техникой живописи, благодаря которому он мог выполнять необходимые реставрационные работы. В качестве архитектора Мартинелли известен только в связи с Главным жилым домом и Библиотечным

флигелем в имении Монрепо. Хотя, по оценке В.В. Дмитриева, сделанной на основании выявленных им чертежей и рисунков Мартинелли, тот был незаурядным мастером, принимавшим участие в работе по созданию выдающихся памятников своего времени.

Парк в Монрепо, как памятник, своим появлением также обязан во многом Мартинелли. В Монрепо ему доводилось выполнять очень широкий круг задач, отнюдь не ограниченный проектированием жилого дома. Мартинелли трудился здесь и как ландшафтный архитектор, и как управляющий имением. Примечательно, что всё это Мартинелли делал для Людвигу Николаи вовсе не по долгу службы. Они были давними друзьями, знакомыми ещё по Италии, откуда Мартинелли был родом и где Николаи бывал, когда сопровождал Разумовских в их путешествии по Европе.

После увольнения от службы в Эрмитаже Мартинелли остаток жизни провёл в имении своего друга Николаи. Их обоих сближало почитание классического искусства. Поэтому для проекта дома в Монрепо они избрали те, основанные на наследии античности, архитектурные принципы классицизма, которые ещё в XVI веке вывел великий итальянский архитектор Андреа Палладио. Палладианский стиль был хорош именно для вилл, загородных резиденций, которые должны гармонично сочетаться с окружающим пейзажем.

И дом, и флигель для гостей («Библиотечным») он стал гораздо позднее, во второй половине XIX века) получились замечательными. Притом, выполнены они были в дереве. Фраза Николаи «Мартинелли любит тихое величие и большой эффект небольшими средствами», отчасти, и об этом обстоятельстве, ведь деревянное строение обходится дешевле. Дом в Монрепо – это бревенчатый сруб, обшитый тёсаными досками. Внутри стены были оштукатурены и, по штукатурке, в парадных помещениях расписаны, а в жилых – обиты бумагой или тканью (обоями). Подъездная аллея от ворот имения ведёт во двор комплекса, а анфилада парадных помещений своими окнами обращена к парку, в который можно спуститься с террасы по широкой парадной лестнице. Центром дома является большая зала – просторное и торжественное помещение, предназначенное для балов. Мартинелли как-то пошутил, передавая привет сыну Николаи, Паулю, что особенно заботится о прочности этой залы ради его будущей свадьбы. Дожить до свадьбы Пауля Николаи Мартинелли, увы, не довелось, но и при нём балы в Монрепо не были редки. Вообще, зала в Монрепо пользовалась популярностью. Даже Выборгский военный губернатор, князь А.И. Горчаков просил у Мартинелли разрешения устроить здесь собственный бал.

За прошедшие более чем 200 лет дом в Монрепо подвергался изменениям. При потомках Людвигу Николаи к дому был пристроен четырёхколонный портик, а внутри проведены частичные перепланировки. Дом пережил приспособление под детский сад в 1950-х, реставрацию в 1960-х, пожар в первые годы музея-заповедника и надежды на комплексную реставрацию в начале 1990-х. Всё, что делается в доме в последнее десятилетие, направлено только на замедление неизбежных процессов разрушения памятника.

Несмотря на все изменения и утраты, Главный усадебный дом в Монрепо остаётся памятником архитектуры федерального значения. Его датировка (1804 г.) основана на преобладании подлинных элементов постройки, – срубов, фундаментов, части внутренней обшивки и росписей. Проведённые в связи с образованием музея-заповедника архивные изыскания и натурные исследования дают основание для полноценной реставрации дома.

В какой мере внимание памятнику будет уделяться государством, зависит во многом и от того, в какой мере востребован этот памятник обществом. Внимание – это ценность. Именно внимание делает деревянный усадебный дом – дворцом.

Ольга Глазкова.

«Тогда для меня угасла половина солнца».

В парке Монрепо на прибрежной скале, очертаниями напоминающей огромного спящего кита, возвышается строгий обелиск из серого шведского мрамора. С её вершины открывается вид почти на весь парк, а слева на соседней скале видна Чайная беседка. Обе эти скалы овеяны поэзией любви. Не случайно, режиссер Эльдар Рязанов выбирает это место для объяснения Андерсена и Гетти, оно происходит в Чайной беседке.

Скала со строгим обелиском называется Левкатийской. Для создателя парка, Л.Г. Николаи она была связана с легендой о греческой поэтессе Сафо, которая бросилась со скалы в море из-за неразделённой любви к Феону.

О превратностях любви должен был напоминать храм Амура, когда-то стоявший здесь. По поводу его проекта в 1804 г. ведутся переговоры с П. Гонзаго, но строительством, в итоге, занимается молодой архитектор А. Павлов, видимо, по своему собственному проекту.

Но Левкатийская скала связана и с историей любви единственного сына создателя парка Монрепо – Л. Г. Николаи – Пауля Николаи.

Родился Пауль Николаи 17(28) июня 1777 г. В 1785 г. родители отправляют его в Эйтен (Германия) к знаменитому поэту, переводчику, редактору «Геттингенского альманаха муз» И.Г. Фоссу. В 19 лет Пауль окончил Эрлангенский университет в Баварии и в дальнейшем посвятил себя дипломатической деятельности. Долгие годы он состоял при русских посольствах в Лондоне, Стокгольме и Копенгагене, а впоследствии был назначен посланником в Лондон. В качестве российского уполномоченного он принимал участие в установлении границ между Россией и Швецией в 1810 г.

В 1811 г. он женился на воспитаннице Смольного института, знатного пьемонтского рода Александрине Симплиции де Брольи. В 1810 г. в письме С. Р. Воронцову Пауль с восторгом писал о своей невесте: «От своих родителей она унаследовала честь, благородство; её характер совершенно соответствует моему, она естественна и скромна и кроме того обладает силой духа, которая в её 22 года отличает её от многих сверстниц». Александрина была нежно принята всей семьёй. Отец и мать Пауля души в ней не чаяли. Ему она родила семерых детей.

К сожалению, в 1824 г. в возрасте 37 лет Александрина умирает при рождении Симплиции – последнего ребёнка четы Николаи.

Именно тогда Пауль произносит слова: «Половина солнца для меня угасла», но теперь он должен был думать о судьбе своих семерых детей.

Александрина де Брольи происходила из французской эмигрантской семьи, бежавшей от режима Наполеона. Три её брата поступили на русскую службу, двое из них погибли во время войны с Наполеоном: Огюст Сезар – под Аустерлицем в 1805 г., а Шарль Франсуа – под Кульмом в 1813 г.

Именно в память о доблести братьев любимой Александрины Паулем и был в 1827 г. на Левкатийской скале, вместо обветшавшего к тому времени храма Амура, поставлен обелиск из серого мрамора. Украшениями его были два шлема римских воинов. Спроектировал обелиск английский архитектор Чарльз Тэтам.

С 1847 г. Пауль Николаи, выйдя в отставку, живёт в Монрепо. Он ведёт дневник, большинство страниц которого посвящено жизни детей. Свой кабинет он называет «кельей». Только одно событие нарушает его размеренный образ жизни последних лет. В 1863 г. по дороге на открытие сейма в Гельсингфорсе 84-летнего дипломата навещает Александр II.

Младшая дочь Симплиция не покидает отца до конца его дней и только после его смерти уходит в нормандский монастырь. Пауль Николаи умер в 1866 г. в

возрасте 89 лет. И он, и его жена Александрина де Брольи похоронены в Монрепо. Как и его отец – Л.Г. Николаи – Пауль прожил строгую и честную жизнь, служа новому отечеству и помня о девизе рода Николаи, сформулированном стоиком Эпиктетом: «Выдерживай и воздерживайся». Важной составляющей его жизни была вера. Не остался Пауль Николаи равнодушным и к главному творению отца – парку Монрепо. В юные годы он работает над созданием Пампушинки, где позже его мать грустила о далёком сыне, и видовой площадки – китайского зонтика. В зрелые годы – это капелла Людвигсбург и скульптура эпического барда Вяйнемёйна.

И до сих пор над семейным некрополем, кажется, звучат его полные бесконечной печали слова: «Половина солнца для меня угасла».

Артур Бадалов. Отворяющий землю.

Источник – это ключ, отпирающий недра земли. Но он же и ключ от бесценной сокровищницы народного творчества. Ведь вряд ли найдется хотя бы один народ, из духовных недр которого не струился бы чистый источник чудесных историй, посвященных исцеляющей, разрушающей, вдохновляющей силе воды. Не секрет, что особенно преуспели в этом древние греки. Их разветвленная мифология дала столько родниковых нимф, количеству и красоте которых можно только удивляться. Одна из самых известных – нимфа Поэзии. По одним источникам, она обитала в Кастальском ключе, по другим – в «фиалково-темной» Иппокрене. Повстречавшись с ней, даже простой пастух становился поэтом – певцом «божественных песен». Как известно, греческая культура, важной частью которой была мифология, стала тем Кастальским ключом, из которого и по сей день черпают вдохновение многие поэты разных стран. Не говоря уже о приверженцах классицизма XVII века, для которых античность стала образцом для подражания, и к которым принадлежал создатель парка Монрепо Людвиг Генрих Николаи.

Вода в пейзажных парках играет очень важную роль. Она расширяет пространство, придает разнообразие парковому пейзажу, влияет на смену настроений. В Монрепо это, прежде всего, источник «Нарцисс» и Выборгский залив. В спокойных водах Выборгского залива отражаются скалы, деревья, архитектурные сооружения, люди. Его дали притягивают взгляды. Его бухты очень романтичны. Но для большинства посетителей символом Монрепо является источник «Нарцисс». В XIX веке выборгские аптекари использовали его воду для приготовления лекарств. Слава о нем распространилась далеко за пределы Выборга.

Но немногие из выборжан, а тем более из приезжающих в парк туристов, знают, что раньше источник «Нарцисс» назывался «Родник Сильмии». Взяв за основу финское предание, гласящее, что вода источников, текущих на восток, способна возвращать слепым зрение, поэт Николаи создает легенду о любви пастуха Ларса к нимфе Сильмии. Эта красивая легенда стала частью поэмы Людвиг Николаи «Имение Монрепо в Финляндии».

Когда-то давным-давно жила в этих местах прекрасная нимфа Сильмия. Однажды увидел ее Ларс – скромный юноша, пасший неподалеку свое небольшое стадо. Полюбил Ларс Сильмию, но признаться ей в любви никак не решался. В одиночестве тосковал он, проливая горькие слезы. От слез, одиночества и тоски пастух заболел. С каждым днем его зрение становилось все слабее и слабее и в конце концов совсем угасло. И тогда один из друзей Ларса отыскал Сильмию и рассказал ей о несчастной любви пастуха. Прекрасная Сильмия встала на камень и обратилась к солнцу: «О, Солнце, ты – око творца, пусть очи, полюбившие меня

снова увидят твой свет!» И в то же мгновение из-под камня, на котором она стояла, забил источник, струящийся на восток. Ларс умылся целебной водой, и к нему вернулось зрение. Каждый день он приходил к роднику и добрым словом и скромным подношением благодарил его за исцеление. И казалось Ларсу, что в его журчании он слышит голос Сильмии. Саму же Сильмию в этих местах больше никто не видел...

В той же поэме Людвиг Николаи, обращаясь к своей супруге Иоганне Поггенполь, просит, чтобы, когда «подхватит его трагический поток», пришла она в березовую рощу и послушала тихое журчание ручейка Сильмии. Что расскажет он ей? Может быть то, что Сильмия – это душа поэта, живущая «среди пестрого луга, поля и грациозных ручьев»?..

Современное оформление источника было выполнено уже после смерти Людвиг Николаи, когда Монрепо принадлежало его сыну Паулю. Тогда же в прямоугольной нише беседки появился мраморный юноша, влюбленный в свое отражение, и источник получил имя героя древнегреческих мифов Нарцисса.

Анна Керн, однажды посетившая Монрепо, написала в своих воспоминаниях: «Проводница рассказывала нам, что вода источника славится целебной силою, вкусом и свежестью. Действительно, я такой вкусной воды отроду не пивала. Она холодна, чиста как горный хрусталь и много имеет в себе живительного. У источника роскошный куст роз».

И пусть давно нет того розового куста, и исчезла скульптура мраморного Нарцисса, но, как прежде, журчит скромный родник. По трещинам в гранитной скале поднимается он на поверхность, попадает в гранитный бассейн, а из него струится по Елисейским полям парка Монрепо – целебный источник, отворяющий недра земли.

Наталья Дмитриева. «Тайный челн в ночи бескрайней» (Легенды и были «Острова Смерти»).

Тайный челн в ночи бескрайней

Вдаль скользит по глади вод...

С.Калугин. «Катание по Стиксу».

Символом парка Монрепо и более того – одним из символов города Выборга – является с давних пор капелла Людвигсбург («замок Людвиг») на острове Людвигштайн («камень Людвиг»), зачарованный замок на таинственном острове, самом известном, можно сказать, популярном, и в то же время самом загадочном уголке волшебной страны Монрепо. В старину, у древних насельников наших земель – карел – это место почиталось как священное. В результатах биолокационных исследований 1990-х годов оно указано в числе наиболее энергетически сильных мест парка. С ним связано множество легенд и историй, зачастую самых нелепых, какие только можно себе вообразить. В народе это место именуется Остров Смерти.

Странен и необычен для России тот факт, что родовое кладбище располагается на острове в приусадебном парке. Впрочем, сперва основатель романтического парка Людвиг Генрих (Андрей Львович) Николаи был похоронен на кладбище в Сорвали (ныне пос. Гвардейский), тоже входившем в состав его имени. Сын его Пауль впоследствии добился разрешения об устройстве кладбища на территории парка и перезахоронении отца и матери, умерших в 1820 году. Вслед за этим появилась и капелла, автором проекта которой выступил

лондонский знакомый российского дипломата Пауля (Павла Андреевича) Николаи, архитектор Чарльз Хиткот Тэтам.

Ч.Х.Тэтам, о котором практически невозможно найти никаких сведений на русском языке, принадлежал к представителям английского неоклассицизма, то есть последователям Андреа Палладио, итальянского теоретика архитектуры, работами которого зачитывался Л.Г.Николаи. В одной из статей Тэтам назван «пионером» этого направления в Англии. В начале своей карьеры он жил два года в Риме, выполняя зарисовки античных памятников и собирая фрагменты антиков; впоследствии такого рода знания были активно использованы им при создании собственных произведений. В 1799 г. Тэтам участвовал в конкурсе проектов морского памятника на площади Трафальгар (национального монумента, увековечивающего недавние победы на море адмирала Нельсона). Он был членом Академии Св.Луки в Риме, Болонской академии и Лондонского архитектурного общества. Для Монрепо по заказу Пауля Николаи им были выполнены два проекта: обелиска братьям Броглио на Левкатийской скале и капеллы Людвигштайн. Но если при создании первого из них архитектор привычно опирался на античные образцы, то вторая резко выбивается из общей череды творений этого автора. Капелла напоминает скорее некую сторожевую башню эпохи раннего средневековья. Между тем, в собрании Музейного Ведомства Финляндии имеется точно датированный проект данного сооружения, подписанный Ч.Х.Тэтамом. И это, бесспорно, одно из лучших его созданий. Налицо загадка, и далеко не единственная, которая связана с нашим таинственным островом.

У наших современников образ острова Людвигштайн привычно ассоциируется с кладбищем (хотя сегодня, после совершённых там в первые годы Советской власти актов вандализма, его вряд ли можно признать таковым). Но некрополем остров стал, как уже упоминалось, в 1820-е гг., тогда же и получил своё современное название. При жизни Людвиг Николаи он именовался Эрмитаж, то есть «убежище отшельника». Ещё одно название острова – Эрихштайн («камень Эриха») было связано с легендой, приведённой в поэме Николаи «Имение Монрепо в Финляндии. 1804 год». Согласно ей, именно на этом острове была построена шведским королём Эриком XIV башня-тюрьма, в которой он собирался заточить своих братьев, но в конце концов, побеждённый ими, угодил туда сам. Автором легенды, сюжет которой взят из шведской истории, является, по-видимому, автор поэмы, умело поставивший эти события в связь со своим именем и его необычным островом совершенно в духе романтизма. Далее в поэме говорится, что дух Эрика, скончавшегося в тюрьме, до сих пор бродит там и издаёт время от времени душераздирающие вопли. Роль этих воплей, очевидно, должны были выполнять звуки так называемой «золотой арфы», приспособления, отвечающего звуками на дуновение ветра, которое имелось тогда в гроте под скалой. Этот же грот был украшен некой головой горгоны Медузы, в честь которой получил своё название.

На этом череда образов таинственного острова, связанных с потусторонним миром, далеко не заканчивается. Известно изображение, датированное 1804 годом, где на месте, которое занимает ныне капелла Людвигсбург, находится пирамида. Более того, ещё задолго до возникновения на острове кладбища у Л.Г.Николаи была идея установить там первый символический надгробный памятник – урну его друга Франца Германа Лафермьера, однокашника Николаи по Страсбургскому университету, человека, вместе с которым будущий владелец Монрепо собирал «Библиотеку двух друзей» и благодаря которому попал на русскую службу. Ф.Г.Лафермьер близко дружил также с графом А.Р.Воронцовым, в имени коего, Матрёнино, он и похоронен. В те времена среди владельцев

«садов» бытовала традиция устанавливать символические памятники умершим друзьям; не был исключением и Л.Г.Николаи. Но появление в парке (сперва рядом с павильоном Паульштайн, а затем на острове) урны нельзя назвать лишь данью традиции: это была искренняя дань памяти лучшего друга. Судьба урны плачевна, впрочем, как и всех захоронений острова Людвигштайн – они были разрушены в первые годы Советской власти на Выборгской земле. Недавно обломки памятника Лафермьеру были обнаружены в воде у берегов острова и извлечены на свет; возможно, в недалёком будущем урна будет восстановлена. Могилы же восстановлению не подлежат; а на Людвигштайне были захоронены многие представители славного рода Николаи, среди них – президент Российской Академии Наук и наставник Павла I, министр просвещения России и его супруга – сестра Нины Грибоедовой София Чавчавадзе, основатель Всемирного Христианского молодёжного движения, а также видные дипломаты, служба которых «и опасна, и трудна»; для того ли один из них – Пауль Николаи – создавал ансамбль острова в знакомом нам ныне виде, чтобы прах его был впоследствии извлечён из гробницы и развеян по ветру?

Последний штрих к портрету загадочного острова – паромная переправа. Каждому, кто знаком с античной мифологией, известна фигура перевозчика Харона и названия рек: Стикс, Ахерон, Лета. Наш остров во времена Николаи был закрыт для посетителей и открыт для родственников и близких друзей покойных, желавших посетить их могилы. Единожды видевший картину А.Бёклина «Остров Мёртвых» вряд ли сможет отрешиться от воспоминаний о ней вблизи Людвигштайна. Да и сам остров, как призрачный челн, плывёт по глади вод залива, неся в себе неразгаданную тайну: издревле бывший и продолжающий быть местом соприкосновения двух миров, к какому берегу приведёт нас этот волшебный корабль?

Ольга Глазкова. Образ Поднебесной в Монрепо.

Монрепо – пейзажный парк XVIII века. Пейзажные сады восходят к древне-китайской садовой традиции. Именно в Китае издавна отдавали предпочтение естественным садам, в которых деревья не стригались, скалы беспорядочно громоздились, звенели ручьи и птичьи голоса. Символический смысл сада был связан с природными объектами и был понятен посвящённому.

В Монрепо также есть своя тайнопись. Монрепо – это мир камня, уникальный скальный парк. Камень здесь господствует повсюду: это и огромные валуны, покрытые мхом, и суровые скальные стены и зловеще заострённые каменные глыбы, кажется, готовые сорваться вниз. В поэме о Монрепо Л. Г. Николаи писал, что «каменных дел мастер», творивший здесь задолго до него, использовал природный материал в «больших массах и контрастах» и теперь его творение никого не оставляет равнодушным.

Особенностью китайского сада также были обилие скал, воды и пейзажные контрасты. Обратимся к одному из описаний такого сада:

Там скал зубцы и кряжи гор,
Деревьев исполинских чащи,
Крутых утёсов грозный вид,
Там оцетинились хребты,
Ведь камни острые торчат,
И словно сложены из глыб
Треножники и алтари!
В долинах – в дальней глубине,

Речушки, речки и ручьи
Скользят змеёнышами, свив
Свои прозрачные тела,
Бугры, горюшки, острова
Покрепче силясь оплеснуть!
Руины громоздятся там <...>

Именно природа Монрепо способствовала возникновению в парке темы Китая. Архитектурным выражением этой темы здесь стали китайские мостики, перекинутые на островки. Над их сооружением в Монрепо в 1790 х гг. трудился архитектор Д. А. Мартинелли. Впоследствии частые в этих местах наводнения не раз разрушали их.

Реконструкция исторических мостиков в Монрепо осуществлялась сотрудниками музея-заповедника во главе с директором, архитектором Е. И. Труфановым, совместно с представителями общественной финской организации «Pro Монгерос». Первый мостик был воссоздан в 1998 году, второй – в 2002 году.

Другой, почти обязательный архитектурный элемент сада XVIII века – китайская пагода или храм на возвышенности.

И в Монрепо, на холме, возвышающемся неподалёку от мостиков, находилась китайская беседка «Мариентурм». Её окружал мир воды и камня. Холм располагался на берегу Финского залива, склоны его украшают, как и прежде, огромные валуны. В мудром спокойствии лежат они издавна здесь. Только один из них – словно каменный великан, вырвавшийся из плена, кажется, вот-вот готов ринуться вниз.

К сожалению, время постройки беседки «Мариентурм» точно не известно. Скорее всего, это 1785-1786 г., когда Монрепо принадлежало герцогу Вюртембергскому. Л. Г. Николаи осуществляет переоформление интерьера беседки. «Мариентурм» для него был связан с именем Марии Фёдоровны, – жены Павла I, – личным секретарём которой он был, находясь на службе при Дворе. Впоследствии его и императрицу связывала долгая дружба.

В поэме «Имение Монрепо в Финляндии» Л. Г. Николаи упоминает о том, что Мария Фёдоровна участвовала в оформлении павильона изнутри. По-видимому, императрица могла передать Николаи эскизы для внутреннего оформления павильона, так как свидетельств о посещении ею Монрепо нет. Она хорошо владела рисунком, гравировкой и ваянием. Интерьер Мариентурма был оформлен в стиле неоклассицизма. Беседка внутри была обита обоями из ткани с рисунком растительного орнамента. Стены украшали барельефы на темы античной истории.

Л. Г. Николаи особенно ценил Марию Фёдоровну за её благотворительную деятельность по устройству приютов и больниц для бедных. В павильоне он устанавливает бюст императрицы.

В развитие темы Поднебесной в Монрепо, ещё при жизни отца внёс свой вклад и Пауль Николаи. В 1798 году из Лондона, где он начал свою работу в качестве дипломата, Пауль присылает садовнику Бистерфельду в Монрепо рисунок красивого пейзажного вида с китайским зонтиком. Бистерфельд поддерживает эту идею и предлагает место для её осуществления – большой камень справа от Главных ворот парка. Затея была осуществлена в том же 1798 году и получила высокую оценку отца. В письме к сыну он сообщает: «При въезде в Монрепо меня приятно поразил твой китайский шампиньон на большом камне. Это хорошая, умело выполненная идея».

В число красот китайского сада входят также водопады, горные речушки и ручьи. Л. Г. Николаи также хотел украсить Монрепо водопадом, который должен

был ниспадать со скальной стены, идущей вдоль центральной поляны. Но воды на верхней площадке скалы не хватило и замысел так и не был осуществлён.

Была у Л. Г. Николаи ещё одна идея, связанная с темой Поднебесной в Монрепо. В его переписке с сыном она обозначена как «Китай». Замысел остался неосуществлённым, сведения о нём весьма скудны. Можно предположить, что символическим образом Китая должна была стать хижина китайского монаха-отшельника на лесной поляне. Тема отшельника, живущего в гармонии с природой, по-видимому, не оставляла Л. Г. Николаи. Это, например, идея Эрмитажа на скальном острове и замысел, связанный с простой деревянной хижинкой отшельника, осуществлённый уже сыном Паулем.

Сам Л. Г. Николаи ощущал себя в Монрепо «отшельником», живя в согласии с природой и наблюдая смену времён года. Это давало ему успокоение и творческое отдохновение перед лицом вечности, в преддверии которой он как-то сказал, обращаясь к любимому холму в парке:

Только на миг принадлежал этот холм мне,
И потом надолго буду принадлежать я ему.

Юлия Мошник. Певец на Краю Света.

На протяжении двух десятилетий, прошедших со дня основания Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо», ведутся работы по восстановлению утраченных архитектурных объектов парка. Храм Нептуна, китайские мостики, Чайная беседка – с их возвращением Монрепо вновь обретает облик одного из красивейших парковых ансамблей Северо-Запада России. В минувшем году была торжественно открыта статуя Вайнемейнена – копия утраченной скульптуры работы Йоханнеса Таканена.

Та часть парка, где находится скульптура, называется Краем Света. Сюда посетителей парка ведет лесная тропа, петляющая между старых сосен. Справа – изрезанная береговая линия, слева – скальная гряда, которая по мере пути становится все выше. И там, где гранитная стена наконец преграждает путь, неожиданно взору открывается фигура старца, играющего на кантеле. И кажется, что перед глазами ожила описанная в «Калевале» картина пения вековечного Вайнемейнена: «Струны кантеле ликуют. Скачут горы, рвутся камни, Скалы все загрохотали. Рифы треснули морские...»

Над живописным обликом скал, среди которых стоит теперь статуя Вайнемейнена, пришлось немало потрудиться владельцу имения Людвигу Генриху Николаи. Он преобразил естественную гряду в мрачноватое ущелье, чтобы установить здесь статую святого Николая. В своей поэме «Имение Монрепо в Финляндии» Николаи пишет о том, что хотел бы видеть здесь: «На этом пространстве лежит большой камень – Остаток древнего извержения. На нем водружен святой Николас». Увы, эти планы так и не осуществились. Уже после смерти Людвиг Генриха, его сын Пауль Николаи нашел новое использование для Края Света. Он решил установить здесь статую финского божества, сотворителя мира Вайнемейнена, пение которого, согласно народным поверьям, могло тронуть самое жестокое сердце. Заказ получил датский скульптор Готтхильф Боруп. Вероятно, работы этого мастера Пауль Николаи видел в Копенгагене, где он провел много лет по делам дипломатической службы. Гипсовое изваяние Вайнемейнена в парке Монрепо было установлено в 1831 году, то есть за четыре

года до того, как в свет вышло первое издание «Калевалы». До этого момента во всей Финляндии еще не было ни одного скульптурного изображения Вяйнемейнена.

Расположенная в отдалении от усадебного дома скульптура из хрупкого гипса была очень уязвима. В 1871 году опасения владельцев за сохранность изваяния подтвердились самым неприятным образом – статую разбили вандалы. Восстановить ее было невозможно, и некоторое время камень, служивший постаментом, простоял пустым. Однако уже в первый месяц после того, как изваяние было разбито, молодой скульптор Йоханнес Таканен получил от города заказ на новую статую Вяйнемейнена для парка Монрепо.

Выбор автора будущей скульптуры не был случаен, хотя Таканена тогда еще нельзя было считать опытным мастером. Ему к тому времени исполнилось лишь 22 года. Этот талантливый живописец и скульптор, родившийся в бедной крестьянской семье под Выборгом в имении Ала-Урпала (нынешняя Торфяновка), смог получить художественное образование только благодаря финансовой помощи влиятельных выборгских семейств, высоко ценивших его мастерство. Его обучение рисованию в частном немецком пансионе Карла Бема, учеба в Хельсинки, Копенгагене и Риме в мастерских известных скульпторов финансировалось из Выборга, и Таканен имел определенные моральные обязательства перед родным городом. Получив заказ, он довольно быстро смог выполнить гипсовый эскиз и отослал его из Копенгагена в Выборг. Инспектировал работу скульптора друг Таканена консул Роберт Людекен. Против ожидания заказчиков, он остался недоволен изваянием, посчитав, что левая рука Вяйнемейнена слишком вытянута вверх. Автор же был уверен, что только так он может передать порыв воодушевления, охвативший рунопевца. Наконец разногласия были улажены, но последовала новая неудача – гипсовая модель лопнула при обжиге. Когда же дело дошло до отливки в материале, оказалось, что отпущенных средств недостаточно. Статую пришлось отливать в цинке – из соображений дешевизны. В 1873 году скульптуру перевезли из Копенгагена в Выборг и установили на прежнем месте – на том самом камне, который некогда предназначался еще для святого Николая.

Скульптура «Вяйнемейн, играющий на кантеле» в Монрепо стала одним из символов парка. В годы Второй мировой войны изваяние бесследно исчезло. Поиски ни к чему не привели, и единственно возможным путем возвращения знаменитой парковой скульптуры стало изготовление копии по сохранившимся фотографиям. Открытая в парке 2 июня 2007 года скульптура – работа петербургского мастера Константина Бобкова. В отличие от своей предшественницы, она выполнена из искусственного камня. И теперь, как прежде, певец Калевалы устремляет вверх руку, словно пытаясь дотянуться до неба.

<http://www.parkmonrepos.org>
park-monrepo@yandex.ru